

Юрий Нагибин:

Комсомолецкая правда. - 1992. - 23 дек

«Слухи о смерти отечественной культуры сильно преувеличены»

— Юрий Маркович, сегодня все наперебой твердят об упадке культуры, а вы чуть ли не единственный, кто отстаивает иную точку зрения...

— Вопрос о культуре имеет две стороны: ее материальная часть, книги, спектакли, картины, музыка — и субъект, на которого культура направлена. Это немного похоже на станции отправления и прибытия. В России явный неурядок на второй станции. Культура есть, но есть и ее неустойчивость. На мой взгляд, этому во многом способствует журналистика, упорно не желающая замечать все хорошее, что у нас есть.

— А что же есть хорошего?

— Начну с литературы. Почему говорят, что ее у нас нет? Прежде всего потому, что не появляются новые романы масштаба «Войны и мира», но ведь этот великий роман писался не по живым следам. Рассказ, маленькая повесть, публицистика неплохо обслуживают наше сложное время.

Сколько хорошего опубликовали Фазиль Искандер, Ион Друцэ, Олег Ермаков, Александр Кабаков, Владимир Маканин... Сколько нового пришло из русского зарубежья, а ведь это тоже наша культура. Настоящую литературу перестают читать, зато скверные во всех отношениях романы Чейза, Рекса Стаута, Флеминга идут нарасхват. В пути вдумчивый, серьезный читатель где-то потерялся...

— А может быть, серьезный читатель «потерялся» потому, что ему сейчас просто не до книг?

— Пожалуй, здесь вы правы. Наша неразбериха ударила прежде всего по наиболее культурному и читающему слою. «Жалкие интеллигенты», не приспособленные к жизни, — учителя, инженеры, библиотекари, — стали очень бедны. Они еле-еле сводят

концы с концами — денег хватает только на еду. Те же слои, у которых деньги есть, покупают и будут покупать «анжелек» и прочую дрянь...

Еще один момент — мы гордимся, как у нас читают: на работе, в переполненных вагонах метро, вися в автобусах, причем читают в этих условиях часто серьезные книги, которые читать надо дома, сидя в спокойной обстановке.

— Десять лет уже нет с нами Юрия Казакова, с которым вы были очень дружны...

— Казакова ставлю необычайно высоко. Он вошел в литературу абсолютно зрелым писателем, но печатать его долго не желали. Казаков был моим другом, и я всеми силами старался ему помочь. Удалось пробить серию рассказов в периодике, издать в «Советском писателе» книгу. Долгое время моя рецензия в «Дружбе народов» была единственным похвальным откликом на творчество выдающегося современника. Его сначала взахлеб ругали. Казаков для меня прямой продолжатель Чехова и Бунина.

Недавно ко мне приехали телевизионщики и попросили подробно о нем рассказать. К

сожалению, его уже забывают. Да это же просто кошмарный сон — вырастает новое поколение читателей, совершенно не знающее о классике литературы. Как можно забыть писателя с такой речью, таким языком, такой чистой жизнью?

— В последнее время писателей начали делить на «наших» и «не наших», на «левых» и на «правых». Никак не могут разделить здание Союза писателей. Прокомментируйте, пожалуйста, причины размежевания?

— Сейчас, услышав о размежевании у писателей, многие начинают делать брезгливую мину, считая позором, что интеллигенция перегрызлась и на глазах у народа отщипывает друг у дружки помещение. Почему же никто не желает понять, что грызутся точки зрения, разные идеологии, разные отношения к жизни? Давно пора понять, что только непримиримые взгляды разбили писателей на два отряда. Я стал участвовать в этой борьбе на старости лет, чего раньше никогда не делал. Огромная масса писателей стала просто беззащитной, другая же захватила все средства, заработанные отчислениями от книг, и лишает новое поколение возможности выжить и укрепиться в литературе.

Мне легче — есть имя, могу работать в разных жанрах. Поймите, я не иду в сложившейся ситуации личных выгод. Сам никогда не кланчил, ничего не просил, не брал никаких ссуд. На свои собственные деньги купил квартиру и построил дачу. Но сейчас время такое сложное, что невозможно оставаться в стороне и наблюдать за происходящим.

— Вы коренной москвич, много писали о Москве, о недопустимости сноса исторических зданий. Как, на ваш взгляд, меняется столица в последние годы?

— С Москвой произошли неоправданные трагические изменения, но произошли они уже давно. Все, что происходит со страной со столицей, с каждым из нас, — все заложено в нашем прошлом. С 1917 года разрушение Москвы не прекращалось. Добрых слов заслуживает Гавриил Попов. Именно он первым сумел приостановить волну разрушений, и уже нельзя по чьему бы то ни было произволу смахнуть особняк, построенный по проекту Бове, или другой исторический памятник. Началось восстановление церквей, храмов, особняков, боярских усадеб.

— А как вам пишется в это непростое время?

— Чтобы выжить сегодня, всем приходится крутиться, а писателям особенно, но я не опускаю рук и не собираюсь жить на пенсию. Работать стал гораздо больше, несмотря на годы и неважное здоровье.

Мои книги издаются в Англии, Италии, Франции... Только что закончил киносценарий об Александре I. Пытаюсь сделать новое в кино, впервые обратился к библейской теме. Сценарий называется «Волхвы», им уже заинтересовались итальянцы. Написал книги «Тинторетто, Шагал, Вермеер Делфтский, Татлин». Увы, и это для Италии. Что подделаешь, если у нас подобная монография не имеет спроса. За границей не относятся к культуре с таким безразличием, как у нас, и государство выделяет субсидии издателям, выпускающим серьезные книги по искусству. И все-таки я уверен, что издам эти книги и у себя на родине.

— Не хотелось ли вам заняться плотную преподавательской деятельностью?

— В Литинституте много раз настойчиво предлагали взять группу, причем предлагали очень настойчиво. Даже жаловались на меня за отказы в

Союз писателей. Попробовал преподавать во ВГИКе, провел два занятия и понял — не мое.

Однако когда пригласили проехать с лекциями по Америке, все же согласился. За два месяца посетил двадцать пять университетов, прочитав в каждом по две лекции и еще кое-где и семинары проводил.

— Постоянное место в Америке вам случайно не предлагали?

— Предлагали несколько хороших мест в лучших университетах, но видите ли... За границей я очень скучаю и больше двух-трех месяцев никогда выдержать не мог. С ума начинаю сходить. Скучаю банально по тому, над чем все смеются, — по березкам, которые там не такие, как в России. Без ханжества и сладких соплей. Я получаю великое наслаждение от американской, итальянской, швейцарской природы, но душа моя здесь, в России. Чтобы я уехал из этой страны, которую равно люблю и ненавижу, со мной надо сделать что-то очень злое.

— Как вы относитесь к вдохновению, бывают ли такие периоды, когда проза «не пишется»?

— За письменный стол сажусь каждый день. Цель всегда одна — написать четыре странички от руки. Это и есть моя дневная норма прозы. Больше писать не могу — выдыхаюсь.

К понятию «вдохновение» отношусь с большим недоверием. Я абсолютно профессиональный человек, писать начал очень рано и в один прекрасный день понял, что литература — это ежедневная работа. Конечно, бывают дни, когда пишется легко, бывают, когда трудно, но это не отражается на продукции, которая всегда равна моим возможностям. А выше головы не прыгнешь.

Беседовал
А. БЕЛЫЙ.